ШИРВИНДТ ЗАДЕЛАЛСЯ БОМЖОМ

Премьера на чердаке

Сегодня в Театре сатиры — премьера, имеющая две особенности. Во-первых, ее сыграют "На чердаке" — на новой, роскошной сцене театра. Во-вторых, первачи-неразлучники — Михаил Державин и Александр Ширвиндт — покажут американца и бомжа в вечном противостоянии России и Запада. Причем вопреки ожиданиям бомжом будет работать красавец Ширвиндт. (Режиссер Сергей Коковкин, художник Сергей Коковкин-младший.)

— Те, кто думает о России, если они действительно думают, не могли бы посчитать, сколько людей думают о России, а сколько обворовывают ее? — с легким акцентом спрашивает Державин-персонаж, у которого нет даже имени. Он просто американец, испытывающий неодолимую тягу в познании загадочной русской души. Русская душа в лице небритого бомжа Ширвиндта (тоже безымянного) отвечает ему с философской тоской:

— Дело в том, что те, кто думает о России, когда отдыхают от своих российских дум, тоже подворовывают.

— Почему?

— Жить-то надо.

Дальше он просветит своего американского дружбана, случайно встреченного в холле гостиницы, относительно слова "вор", и зритель с удивлением обнаружит, что оно является корнем самых невинных слов — **во**робей, **во**рона, под**во**ротня и пр. Ментальность русского народа эта парочка познает в традиционных обстоятельствах, то есть напиваясь.

Вся эта российско-американская история сочинена **Фазилем Искандером** под названием "Думающий о России и американец". Режиссер Коковкин, известный как артист, драматург, сделал инсценировку "Привет от Цюрупы". Прозаические куски вместе с артистами разложил на диалоги и согласовал их с писателем достаточно быстро и бесконфликтно, пользуясь соседством по даче. Получилось весьма остроумно. Во всяком случае, уже с первых минут спектакля ясно, что текст растащат на цитаты: настолько он остроумен и, что называется, в десятку.

Александр Ширвиндт оказался потрясающим бомжом, во что прежде было трудно поверить. Артист продемонстрировал свой истинный диапазон и теперь смело может выступать в ролях представителей социального дна. Поиски бесконечности российского дна занимают его не меньше, чем его американского собутыльника. Впрочем, ему больше подходит название "бич" — бывший интеллигентный человек. Он в меру начитан, хамоват, ленив и не в меру небрит.

— Может быть, несколько дней не бреется, вживаясь в образ? — спросила я.

Выяснилось, что вживается он как настоящий профессионал исключительно на внутренних возможностях, а внешняя запущенность красивой физиономии достигается за счет специальной кинематографической пасты. Сначала наносится паста, а затем на нее напыляются волосы — эффект недельной немытости-нечесанности гарантирован. Замызганность дополняет растянутая кофта, специально связанная для Ширвиндта народным умельцем. В то время как иностранец-Державин приоделся в арбатском магазине "Весна" — швейцарские ботинки, немецкий жилет, рубашка — на сумму около 4000 рублей. На то он и иностранец.

Державин делает небольшой элегантный акцент и волнуется не за правильность имитации речи американца, а за то, чтобы не утомить им зрителя.

— Акцент мне помогает делать характерность. В определенной степени я его "снял" с господина Мэтлока, бывшего американского посла в России, который, между прочим, любил прогуливаться по Старому Арбату в галошах, где я его и наблюдал.

В конце бомж с американцем, породненные кровью русского бомжа и напившиеся до чертей, отлетают в космос. Причем эффект полета удачно передает декорация в первой части спектакля, похожая на банальную стенку. Стенка оказалась, однако, не простой, а весьма сложной конструкцией, специально рассчитанной под то, что два крупных (в прямом и переносном смысле) артиста будут на ней возлежать и осуществлять полет в открытый космос. Что-то вроде из Жванецкого: "Пролетая над Череповцом, посылаю всех к едрене матери...". С пламенным приветом от Цурюпы.

Марина РАЙКИНА.

Моск. комсомолец. — 1999. — 5 мая. — с. 1